

18+

Вадим Сухачевский

ДЕКАМЕРОН 1914

Опыт эротического
детектива

Вадим Долгий (Сухачевский)

Декамерон 1914

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Долгий (Сухачевский) В. В.

Декамерон 1914 / В. В. Долгий (Сухачевский) — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Из-за схода горной лавины обитатели отеля «Парадиз» оказываются отрезанными от мира как раз накануне Первой мировой войны. Чтобы как-то развлечься они по вечерам (как в «Декамероне» у Боккаччо) рассказывают друг другу истории весьма эротического свойства. На фоне этого развивается чисто детективный сюжет: каждый день очередного постояльца отеля находят мертвым...

© Долгий (Сухачевский) В. В., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ ЮРИЯ ВАСИЛЬЦЕВА,	5
РУКОПИСЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО СТАТСКОГО	8
Вечер первый	24
ДЕНЬ ВТОРОЙ	28
Конец ознакомительного фрагмента.	36

ПРЕДИСЛОВИЕ ЮРИЯ ВАСИЛЬЦЕВА,

ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ТАЙНОГО СУДА

1

Обладателем этих записей, сделанных моим родственником, Петром Аристарховичем Васильцевым несколько эпох тому назад, я стал недавно и совершенно случайно, после сноса дома на Метростроевской улице (в те едва вспоминаемые эпохи – Остоженке), дома моего детства. Просто вдруг захотелось проводить этот дом, как человека, в последний путь.

Печку, зацепленную бульдозером, я сразу узнал по изразцам – то была печка из нашей квартиры. Зачем-то я двинулся к ней, по щиколотки утопая в насыпанном вокруг прахе моего детства, и, как оказалось, не зря – вдруг я обнаружил, что к ее задней стенке истлевшими лоскутами пластыря приклеена пухлая пачка бумаги, обернутая пергаментом – то и были записи, сделанные тем самым Петром Аристарховичем и, видимо, зачем-то переданные им моему отцу.

Так что частичному сохранению этой рукописи мы обязаны именно ей, печке; но, Боже, в каком виде эти листки дошли до меня! Одни вовсе истлели, другие испортились до полной неудобочитаемости, остальные мне все же удалось восстановить (некоторые лишь частично, с применением химикатов и фиолетовой лампы). В какой-то степени печка выполнила в каком-то смысле роль соавтора дядюшки, ибо способствовала определенным жанровым особенностям этой рукописи – изрядной недоговоренности, появившейся в тех или иных эпизодах, что лишь усиливает детективную интригу (а перед нами именно детектив), а в других случаях придает кое-каким наиболее откровенным эпизодам (ибо перед нами детектив в какой-то мере эротический) благопристойную целомудренность.

Что я знал об этом своем родственнике, отставном губернском прокуроре, остановившемся в некоем пансионе «парадиз» в самом начале еще той великой войны, смахнувшей, как карточные домики, четыре империи? Не более того, что достиг он чина действительного статского советника, а жизнь свою закончил вовсе не от неизлечимой болезни, мучившей его, а от пули в затылок в марте 1918-го.

*Но не только личность моего троюродного (кажется) дядюшки заинтересовала меня в том повествовании, и не только его форма, которую можно было бы определить как (повторяю) **эротический детектив**, но и еще одно обстоятельство, показавшееся мне крайне любопытным...*

Не столь давно я увидел репродукцию картины Питера Брейгеля Старшего «Вавилонская башня» – поразительный пример того, как статичная, фиксирующая лишь мгновение живопись способна запечатлеть движение неостановимого времени. Там – вот что. Идет строительство той самой библейской башни, каменщики кладут первые этажи, подсобные рабочие волокут тачки, неподалеку пахарь возделывает землю; но... Уже разверзлись хляби небесные, уже падают молнии, уже объаты пламенем верхние этажи башни; еще миг – и... В общем, из Книги Бытия мы знаем, что сейчас произойдет.

*Нечто подобное мы наблюдаем и в рукописи моего родственника, г-на Васильцева. Волею судеб оказавшись в изоляции от внешнего мира, его персонажи еще не ведают, что хляби небесные уже разверзлись, что уже прозвучал выстрел Гаврилы Принципа в Сраево, что уже рассыпаются империи. Как муравьи, не зрящие дальше своего крохотного тельца, персонажи этого повествования видят перед собой мир, которого, в сущности, **уже нет**...*

¹ О Юрии Васильцеве см. в книгах В. Сухачевского «Тайный Суд», «Сын палача» и «Слепень».

.....

Зачем я принялся перепечатывать эту рукопись, зачем стал убирать «яти» и «еры», зачем снабжал ее некоторыми комментариями?

Рассчитывал на публикацию?.. Едва ли...

Впрочем, кто знает... После тех пятилетней давности достопамятных мартовских похорон 1953-го года что-то, кажись, подвинулось в нашем Отечестве...

Однако – не тот ли я самый муравей, который скользит по поверхности, не ведая о ямах на пути?.. И – где она, следующая яма?

Увы, нам не дано предугадать.

.....

Еще добавлю, что посреди текста были размещены некоторые документы, в том числе совершенно секретные. О том, как они смогли сюда попасть, я имею лишь догадки. Полагаю, что это мой покойный отец, Андрей Исидорович Васильцев, в свое время, как и я теперь, председатель Тайного Суда, – что это он в последствии их туда вложил. А уж где добыл он?.. О, это было не сложно сделать в октябре 1917 года, когда они со следователем по фамилии Лежебоко запросто изъяли документы из никем неохранных архивов в столице уже обреченной страны².

И второе что добавлю: края страниц и места на сгибах некоторых листов рукописи истлели совершенно до неудобочитаемости. Не желая додумывать за своего родственника, я снабдил эти места пометками, а кое-что попытался хоть на какую-то долю восстановить.

.....

Ну и наконец...

Из журнала «Мир и атеизм» за ноябрь 1936 г.

Многие наши читатели интересуются причиной взрыва санатория «Красный шахтер» для горняков-стахановцев, расположенного в Кавказских горах. Кое-кто, по своему невежеству, говорит о некоем якобы «проклятье», витающем над этими местами.

Причина этого суеверия такова. Прежде на месте «Красного шахтера» располагалась гостиница «Парадиз» (что означает «Рай»), предназначенная для «чистой публики» – всяческих князьёв-графьёв, купцов, генералов и прочих старорежимных мироедов. И вот накануне Империалистической войны загадочным образом там вдруг бесследно исчезло с десятков постояльцев.

Однако, оказывается, исчезли они не так уж и бесследно. Тем взрывом, о котором речь, из-под земли было выброшено три давних трупа; возможно, далее найдутся и остальные. Ну а о том, по какой причине устроили когда-то в этом «Раю» сатрапы царского режима, нам остается лишь догадываться.

Ну а недавний взрыв, как установлено, вызван вовсе не каким-то «мистическим проклятьем», а выходом подземного газа, то есть событием хотя и прискорбным, но научно вполне объяснимым.

Иной вопрос: как инженеры не предусмотрели такую опасность? Но на этот вопрос ответ уже имеется. Два инженера дали показания, что действовали по заданию троцкистско-зиновьевского блока, продавшегося британской разведке и теперь ожидают, когда их настигнет суровая рука пролетарского возмездия.

² Об этом см. в книге В. Сухачевского «Злой Октябрь».

Так что никакой мистики, граждане любители суеверий!

Что же касается уже восстановленного «Красного шахтера», то он уже ждет в этом году новых гостей, которые непременно туда придут. Благо, мы живем в такой стране, где люди более не исчезают бесследно.

Вот, пожалуй, с моей стороны и все. Далее, коль заинтересовались, смотрите сами.

Март 1958 года

РУКОПИСЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО СТАТСКОГО

СОВЕТНИКА, ПРОКУРОРА N-ской ГУБЕРНИИ
ПЕТРА АРИСТАРХОВИЧА ВАСИЛЬЦЕВА

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Хароший файтон. – Гномы. – Обитатели
пансионата «Парадиз». – Первый покойник. –
Адская машина. – Белая смерть.

От вокзала в Пятигорске, куда мой поезд прибыл в предрассветную рань, до отеля «Парадиз», расположенного в горах, я добрался утром после небольшого приключения.

Вез меня туда фаэтон, на козлах которого восседал горец, грозного, но весьма бутафорского вида, в бурке, в папахе, при большущем кинжале (думаю, с картонным клинком) и серебряных газырях. Снаружи на обшивке фаэтона белой краской было размашисто начертано:

*ХАРОШЫЙ ФАЙТОН
ВИСЬОЛИЙ АНТОН
ЕЗДЕМ НА ВОДЫ
И ОБРАТОН*

С другого бока имелась надпись:

ОТЭЛЬ ПАРАДИСЬ И ОБРАТОН, –

как раз и подвигнувшая меня сесть именно в эту колесницу. Про отель «Парадиз», расположенный неподалеку от источника целебных вод, я прочел несколько весьма лестных отзывов в журнале, посему именно туда и держал путь.

Однако после двух с половиной часов езды что-то внизу надсадно треснуло, и пол подомной грохнулся оземь.

Я выкарабкался наружу и увидел, что одно колесо катится к обочине, а *висьолий Антон* со всех ног догоняет его. Когда он прикатил наконец колесо назад, я не удержался и съязвил:

– Хороший, говоришь, файтон? – на что горец невозмутимо ответил:

– Файтон хороший, ось г...но. Щас поедем.

Усомнившись, что даже такой «хороший файтон» может ездить без колес, я спросил:

– «Щас» – это когда?

– Щас... К обеду починим.

Я посмотрел на часы. Было семь часов утра. Спросил:

– К обеду, говоришь? – на что воспоследовал ответ:

– К ужину – точно починим.

(«М-да!...»)

– А пешком дойду?

– А чего нет? Щас и дойдешь.

– «Щас» – это к обеду?

– Не-е, к завтраку.

– И как идти?

– Да вот... – Рука его продклала петляющие движения, на словах это, однако, звучало: –
Прамо, прамо и прамо.

И я двинулся в путь «прямо», то есть петляя, как мне было указано, по дороге, проходящей меж гор, благо, из вещей у меня был всего лишь один довольно небольшой саквояж.

— — —

...Ныне, когда уже позади все перипетии этой кровавой истории, которую я теперь, находясь на пороге Вечности, зачем-то взялся записывать, должен сказать и о своей скромной персоне...

Хотя – *кому должен, почему должен?* Этой самой Вечности я не должен ровным счетом ничего (уж не настолько я преувеличиваю свою роль во вращении Мироздания), а на отзывы читателя нисколько не рассчитываю, как и вообще на публикацию сей рукописи. Во всяком случае, при своей жизни, которая уже вплотную уперлась *в те самые Врата*. Просто какие-то навыки, приобретенные мною за немалую жизнь, понуждают к связности повествования. И тут мне никак не обойтись без упоминания о самом повествователе и о его *гномах*, которые еще не раз будут здесь появляться.

Но прежде – о себе.

— — —

Сейчас мне 37 лет и из-за этих самых *гномов* уже вряд ли когда-либо исполнится 38.

Забегу, однако, на пару лет назад. К своим 35-ти годам я, по нашим понятиям, немало преуспел: генеральский чин, должность губернского прокурора в большой губернии, даже, было дело, сватали в губернаторы другой губернии, поменьше, но я решил отложить такой изгиб карьеры на потом. (Ах, как сколь призрачны бывают порой эти самые «потом» в нашей жизни!)

Что же держало меня на прокурорской должности? У нас ведь теперь в нашей России-матушке – как? Прокурор – он сатрап, око государево.

Но уже само возникновение такого вопроса будет свидетельствовать о том, что вопрошающий совершенно не осведомлен о деятельности нашего столь ортодоксального, казалось бы, ведомства и, видимо, судит о нем преимущественно по последнему и на мой вкус далеко не самому сильному роману глубокоуважаемого графа Льва Николаевича Толстого «Воскресение», где, если помните, прокурор выставлен полнейшим недоумком, каковые, впрочем, увы, среди прокурорских встречаются не режеми (хотя и отнюдь не чаще), нежели среди прочих российских чиновников.

Конечно, краснобаи-адвокаты в отечестве нашем куда как более обласканы общественным вниманием и любовью, и большинству видится, что либерализм – такая же их неотъемлемая принадлежность, как принадлежность священнослужителя – Божья благодать. Ну а как, в таком случае спрошу я вас, быть с судебным процессом над помещиком Благочестивцевым, что несколько лет назад вызвал немалый шум и в нашей губернии, и за ее пределами?

Сей Благочестивцев (несмотря на свою фамилию, бурбон, картежник и отчаянный пьяница) пьяница, возродил у себя в имении совершенно феодальные порядки, за любой пустяк подвергал крестьян телесным наказаниям и всю использовал право первой ночи. Дело обрело огласку лишь после того, как двое крестьян скончались в результате жесточайшей порки, а одна молодая женщина наложила на себя руки. И кто же заслуживал большего общественного одобрения, нанятый этим Скотининым наших дней модный московский адвокат, расписывавший заслуги древнего рода Благочестивцевых перед Отечеством, небывалую широту души своего подзащитного, а также напиравший на его временное умопомрачение (будто бы в менее умопомраченном состоянии тот когда-либо пребывал), или же ваш покорный

слуга, поддерживавший перед присяжными обвинение и таки добившийся кары для мерзавца в виде четырех годов тюрьмы?

Кстати, речь мою тогда общественность оценила как блистательную, фрагменты ее в последствии не раз цитировались в газетах, даже в столичных, а там, в зале суда, я удостоился аплодисментов со стороны присутствовавших на процессе прогрессивных курсисток и студентов с самыми что ни есть идеями.

Ну а дело о растлении несовершеннолетних работниц фабрикантом-миллионщиком Брюхановым! Негодяй запугивал несчастных тринадцати-четырнадцатилетних девочек угрозой выселения их семей из принадлежавших ему бараков и утолял с ними свою мерзкую похоть. В итоге одна девочка одна девочка бросилась с моста в реку, а вторая повесилась, оставив предсмертную записку, благодаря которой все-то и выплыло наконец наружу.

Снова же представлять обвинение выпало мне. Между тем, фабричные рабочие, не веря в торжество справедливости, устроили стачку, город заполнили казаки, опять повеяло смутой, наподобие тех, что были в девятьсот пятом году.

Когда, однако, после моей речи перед присяжными миллионщик отправился по этапу на каторгу, надвигавшаяся смута мало-помалу сама собой улеглась. Так что, как изволите видеть, нагайки – не единственное средство для поддержания общественного спокойствия.

Ну а процесс над казачьим подъесаулом Синюгиным, в те же самые дни убившем нагайкой гимназиста за какой-то мальчишеский выкрик? А процесс над отставным подпоручиком Храповым, членом Союза Михаила архангела?

Сей Храпов, проигравшись в карты, убил владельца лабаза, еврея-выкреста Ароновича. Убил, разумеется, просто с целью ограбления, однако адвокат на суде объяснял действия убийцы причинами сугубо идейными, его глубинным православием, – каково?!..

Не помогло. Как не помогло и вмешательство их могущественного Союза. После моей речи вердикт присяжных был единодушен, и судья ничего уж не мог поделать – отправил-таки черносотенца на восемь лет в Сибирь.

И снова вспоминаю аплодисменты в свой адрес со стороны прогрессивных студюзусов. И снова самые лестные отзывы о *вашем покорном* в весьма известных своею позицией столичных изданиях.

Ах, да что это я, право, взялся расцвечивать того, сгинувшего Петра Аристарховича Васильцева из своей сегодняшней тьмы, в кою однажды был столь стремительно и бесповоротно ввергнут своими вдруг пробудившимися *гномами*?

Впрочем, не они лишь одни отправили в небытие того, прежнего Петра Васильцева, служившего одновременно и Закону, и Справедливости. Читатель увидит, что в ходе описываемых событий две этих сущности – Справедливость и Закон – разошлись в прямо противоположные стороны, и Ваш Покорный Слуга, в какой-то миг там, в пансионате «Парадиз» избрал одну лишь Справедливость, то есть служителем Закона фактически перестал быть.

Вот потому-то

.....
— — —

..... <...> когда они, эти *гномы*, ожили во мне внезапно, в один миг. Это случилось во время званого обеда у нашего губернатора.

Боже, ничего равного мне не доводилось испытывать! Было ощущение, что кто-то вогнал бутылочный штопор мне глубоко в живот и наматывает на него какой-то самый чувствительный нутряной нерв. Запредельная, уничтожающая боль! Весь я был только: эта боль и бесконечно долгая, как мне казалось, борьба с собою, чтобы не издать унижительный, малодушный стон.

Схлынуло так же внезапно, как и началось. Возможно, длилось всего одну минуту, возможно, много более – счет времени я успел потерять.

Когда боль отлегла, я надеялся, что никто не заметил происшедшего со мной, однако тут я ошибался.

По окончании обеда, уже на выходе из губернаторского дома я услышал:

– Позвольте-ка вас, Петр Аристархович, на несколько слов. – Это был доктор Забродов, недавно вернувшийся сюда, в родные края, из далекой Америки. – Понимаю, что вы нынче испытали, – продолжал он, – и хорошо представляю себе, какая это могла быть боль.

– Да, – признался я, – что-то вступило... Никогда со мной прежде такого... Но откуда, право же, вы?..

Он перебил:

– Знаю, знаю подобных *гномов*, – (тогда-то впервые и прозвучало это слово), – они дают о себе знать всегда неожиданно. Вы, правда, в отличие от многих, держались весьма мужественно, однако вас выдали глаза, точнее зрачки. Когда человек испытывает боль, они имеют свойство расширяться, и ни в чьих силах с этим совладать. Только воистину пыточная боль могла заставить ваши зрачки *так* расшириться.

– Вы, кажется, сказали – «гномы»? – удивился я.

Забродов кивнул:

– Да, так я их именую для себя. Впрочем, они имеют и другое, куда более неприятное название, но покамест не хотелось бы его все упоминать, покуда я окончательно не удостоверился. Кстати, не советую вам обращаться к здешним эскулапам, они умеют распознавать такого рода хворобы лишь на гораздо более поздней стадии, я же некогда служил в одной чикагской клинике, где занимался главным образом подобными вещами и там научился узнавать этих гномов сразу и безошибочно. Очень боюсь, что и в данном случае это они, мои старые знакомцы. Поверьте, будет всего правильнее, если вы завтра же посетите меня. Прошу – не чинясь, в любое удобное для вас время.

Из вежливости я поблагодарил доктора, но в ту минуту совершенно не сомневался, что никакой надобности в моем визите к нему нет. Я уже чувствовал себя отменно, а свой недавний приступ склонен был отнести на счет какого-то неловко сделанного вдоха. Не верил я ни в каких таких гномов, примерещившихся, как я полагал, Забродову!

Лишь перед сном вспомнил о них, и сразу подступил страх: что если они снова оживут, вопьются в мое нутро?

И они, словно только лишь и ожидая этого моего страха, тут же вправду ожили, впились. Да как!..

— — —

..... <...> Доктор говорил бесстрастно:

– Начну с существа вашей болезни. Тут все медики со мной сошлись бы во мнении. Имя поселившимся в вас гномам – *cancer*; это бурно растущие клетки, уже успевшие образовать у вас в пищевode немалую опухоль, которая иногда надавливает на некий нерв, и в том причина ваших мучительных болей. Сейчас эти боли редки, однако день ото дня они, уверен, будут учащаться. Пока еще опухоль невелика, но она неминуемо будет разрастаться, и нынешняя медицина бессильна как-либо это предотвратить. Операция по удалению опухоли ничего, кроме дополнительных мучений, не даст, ибо она незамедлительно вырастет снова.

Тьма начинала обволакивать меня. Было ясно, что приговор мне уже вынесен, и даже ясно, в каком месте поставлена запятая в той знаменитой казуистической фразе «казнить нельзя помиловать», где она, эта запятая – весом в человеческую жизнь. И все же я спросил каким-то чужим, словно бы отделенным от меня голосом:

– Стало быть, я обречен?

– Едва ли буду оригинален, – ответил доктор, – если скажу, что с самого момента рождения все мы обречены, все знаем, что когда-то непременно покинем этот мир. Таким образом, вопрос только в сроках.

Я проговорил из своей уже почти полностью забравшей в себя темноты:

– И эти сроки... Позвольте спросить, каковы же они для меня?

Голос доктора пробился сквозь эту тьму:

– Прежде, чем ответить, задам вам вопрос: вы ожидаете от меня ответа по амереканскому, по европейскому или по нашему, российскому счету?

– А имеется разница? – спросил я.

Он кивнул:

– Весьма существенная. Американцы – нация молодая и прагматичная, для них самое важное – то, что они называют словом «бизнес». Поэтому они требуют самого точного ответа, дабы успеть распорядиться своим делом и своим имуществом. Мы же – нация разнеженная, мы вечно жалеем самих себя, так что даже в самых безнадежных случаях ждем ответа для себя – наиболее щадящего, пускай даже и не вполне правдивого. Ну а европейцы – они где-то посерединке между двумя этими крайностями. Так вот я и спрашиваю – сколь правдивого ответа вы от меня ожидаете?

Не знаю, как у меня достало сил выговорить:

– Правду, только лишь правду!

Забродов, видимо именно такого ответа и ожидая, сразу отрезал мне путь к отступлению.

– Что ж... – сухо кивнул он и чуть призадумался, словно на каких-то незримых весах отмеряя этот отпущенный мне срок.

Не знаю, какого срока я в ту минуту более для себя желал, малого или изрядного. С одной стороны, страшило, что он окажется слишком уж короток, в каких-нибудь месяца два-три – я не был готов так скоро покинуть сей мир; однако, окажись он достаточно долог, скажем, года в три, то со своими гномами, которые, сколь я понял, все сильнее будут терзать мое нутро, за такое время я рискую полностью утратить всякое человеческое подобие.

Срок оказался где-то посерединке между теми двумя границами, что я мысленно для себя определил.

– Полагаю, вам осталось жить не менее года, но никак не более полутора, – сказал доктор.

Как раз в этот миг я почувствовал, что сейчас мои гномы снова возьмутся за меня, и даже отмеренное мне доктором время вдруг показалось избыточно долгим.

Он, однако, словно прочтя мои мысли, поспешил добавить:

– Вы, вероятно, страшитесь возможных мучений? Но тут как раз я в состоянии вам помочь. – На минуту он вышел из кабинета и вернулся с картонной коробкой в руках. – Здесь, – сказал он, – пилюли, которые я привез с собой из Америки. Вообще-то российская медицина их употребление не рекомендует, поскольку привыкание к ним наступает еще быстрее, чем привыкание к морфину, кроме того, со временем они могут привести к вредным побочным эффектам... По-моему, тут попросту проявляется иногда свойственное всему Старому Свету ханжество. Здешние эскулапы, будучи не в силах отменить самую смерть, вместе с тем прилагают усилия к тому, чтобы вы сполна испили всю чашу мучений. Эти же пилюли, несмотря на все побочные эффекты, облегчение вам принесут, тут можете быть уверены.

Я пробормотал какие-то слова благодарности и, чувствуя, что мои гномы уже вот-вот примутся за меня, открыл коробку.

– Да, да, – поддержал меня в этом Забродов, – не следует ждать очередного приступа, лучше его предупредить.

Я принял пилюлю. После этого не прошло и минуты как почувствовал, что гномы, похоже, на время отступились от своего намерения. Взамен страха перед ними пришла неко-

торая эйфория, какая бывает при легком опьянении. А главное – отныне я не боялся их, этих гномов: упакованных в пачки пилюль была полная коробка. По крайней мере от той пыточной боли я был на какое-то время надежно защищен.

Доктор сказал:

– Здесь их много, думаю, вам должно хватить.

После победы над гномами я как-то на миг позабыл про малость времени, теперь отпущенного мне, даже не сразу понял последние слова доктора: «должно хватить». До какой поры *должно*?

И вдруг осознал со всей страшной отчетливостью – да ведь ясно, ясно же, *до какой!*..

Доктор давал еще какие-то наставления, связанные с приемом этих пилюль, но я уже не слышал его и только повторял про себя: «Боже, Боже!..»

— — —

По счастью, боли с этих пор я почти не ощущал, предупреждая ее пилюлями из заветной шкатулки, но с каждым днем чувствовал в себе все большее психологическое угасание. Прокураторская служба уже не увлекала меня, скорей вызывала раздражение. Сколь ничтожными все эти трепыхания казались мне теперь!

Наконец я решил сменить обстановку, как мне и посоветовал доктор Забродов, в начале июня взял длительный отпуск и отправился на Кавказские Минеральные воды, чтобы провести там в тиши и спокойствии большую часть отмеренного мне срока. И пускай хоть весь мир катится в тартарары!

...Как позже выяснилось, он, мир, именно туда в это самое время и катился. А те кровавые события, которые уготовила для меня ожидаемая тишь, они теперь, когда пишу эти строки, конечно же, блекнут на фоне той кровавой вакханалии, в которую вскорости погрузилась наша планета...

.....

— — —

.....

..... <...> добавить, что, помимо развалившегося фаэтона, были и другие предзнаменования. Я в них, правда, слабо верю, но порой поди-ка с ними поспорь...

Вдруг, отшагав «прямо» версты три, я то ли услышал, то ли мне примерещилось, что откуда-то из гор донесся слабый стон. Взглянув в ту сторону, я увидел небольшой белый язык, кончик которого свисал с вершины, и догадался, что это и есть ледник Беяз Олим (что в переводе с татарского означает «Белая Смерть»), о котором я накануне прочел в журнале. Позволю себе сделать это отступление не из празднословия вовсе и не из любви к пейзажистике, а по той причине, что сей ледник также вскоре станет одним из главных «персонажей» моего повествования.

Из журнальной заметки явствовало, что ледник «Белая Смерть» сходит раз в шестьдесят лет, считая все на своем пути и напрочь заваливая единственную дорогу – ту самую, видимо, дорогу, по которой я в этот миг проходил, а последний сход ледника имел место в июне 1854-го года. Существовало местное поверье, что сход «Белой смерти» служит предзнаменованием грядущих страшных событий. Так, якобы то давнишнее его обрушение знаменовало наше грядущее поражение в Крымской войне. .

А теперь потрудитесь, прибавьте-ка 60 лет к 1854-му, ну-тка!..

Да, да, я шагнул по этой дороге 15-го июня 1914 года! Вам ничего не говорит эта дата?³
Вот и поспорю после этого с предзнаменованиями!..

.....
...<...> когда увидел наконец в свой дорожный бинокль вывеску отеля «Парадиз».

— — —

.....<...> уже к полудню пере-
знакомившись со всеми постояльцами небольшой гостиницы.

Поскольку происшедшее вслед за тем – истинная драма, то, как в драме и полагается, с самого начала перечислю всех ее персонажей, из коих далеко не всем суждено будет дожить до развязки этой истории. (Впрочем, как далее будет видно, не все приведенные сведения о них соответствуют действительности.)

Конечно, будь я опытным литератором, представлял бы их вам по ходу дела, но, увы, пишущий эти строки – всего лишь провинциальный прокурор, привыкший иметь дело не с литературными персонажами, а с фигурантами, посему читателю придется довольствоваться моим скудным умением.

(Добавлю также, что, как далее будет видно, приведенные здесь сведения о них едва ли сколь-нибудь полны, и отнюдь не все соответствуют действительности.)

Итак:

Белозерцев, отставной генерал-майор (кажется, кавалерист), жизнерадостный, весьма колоритный старик лет под 80.

Ольга Витальевна Дробышевская, ок. 40 лет, мистически настроенная вдова из С.-Петербурга, судя по виду, тяжело больна, что легко угадывается по ее изможденному лицу.

Г-н Васюков (он же Ряжский), лет 35 или чуть менее. Во внешности прослеживается некоторое сходство в его лице с Наполеоном Бонапартом Первым.

Г-н Петров, 35 лет, учитель гимназии, всегда имеет какой-то затравленный вид.

Г-н Львовский, под 30, исключительно красив и с виду так же исключительно глуп.

Кокандов, 28 лет, поначалу представился помещиком Херсонской губернии. Черные глаза, твердый, уверенный взгляд.

Грыжеедов, 2-й гильдии купец, 45 лет, весьма дородный господин. Настроен исключительно патриотически.

Г-жа Евгеньева Маргарита Никифоровна, 25 лет, с виду демимонденка⁴, но представляется актрисой. Ходит в платьях с совершенно неуместными в данных условиях декольте.

Ми, изящная девушка лет 19 – 22. Ее правильной формы головка выбрита наголо, отчего кажется фарфоровой (ах, каких только изысков не породит нынешнее упадническое время!..) Выражение лица часто бывает несколько отрешенное. Говорит отрывисто, иногда подпуская вульгарные словечки, но при этом в речи присутствует некий иностранный акцент, природу которого мне до поры до времени не удавалось установить.

(Добавлю, впрочем, что, когда я ей представился, эта отрешенность на миг упорхнула, и она как-то слишком уж пристально взглянула на меня. Я обладаю хорошей памятью на лица и могу с уверенностью сказать, что мы никогда прежде не встречались, поэтому был озадачен – что же в моей скромной персоне привлекло внимание этой юной особы? Причину этого ее взгляда узнал лишь в самом финале свершившейся драмы.)

³ 28 июня (16-го по старому стилю) 1914 года Гаврила Принцип в Сараево застрелит престолонаследника Австро-Венгерской империи Франца Фердинанда, что послужит причиной начала 1-й Мировой войны.

⁴ Дама полусвета. .

Г-н Кляпов, 40 лет, молчун, несколько одутловат, всем своим видом показывает: «Не трогайте меня!»

Г-н Финикуиди, 50 лет, московский профессор химии, член масонской ложи, о чем свидетельствует миниатюрный мастерок «вольного каменщика», болтающийся у него на ремне.

Г-н Шумский, инженер. Имеет повадки гаера, весьма пристрастен к Бахусу.

Г-н Семипалатников, ок. 40 лет, с нафабранными усиками, торчащими пиками вверх а la кайзер Вильгельм. Молчалив, как и г-н Кляпов, но, в отличие от последнего, как-то несколько надменно молчалив.

Ну и, помимо постояльцев:

Г-жа Ахвледiani Амалия Фридриховна, в девичестве фон Дитрих, лет 50 (выглядит намного моложе), хозяйка отеля «Парадиз», вдова грузинского князя. Ходит в черном, но едва ли в знак траура, просто ей этот цвет очень идет. И вообще – исключительно хороша какой-то особой, аристократической красотой.

Абдулла (Абдуллайка), слуга, лет 30.

Дуня, лет 25, горничная. Видно по лицу: спешно хочет замуж.

Лизавета, повариха, не менее 7 пудов.

Нельзя также не упомянуть о **г-не Сипяго**, хотя он возникнет и будет пребывать в этом моем повествовании уже (пardon) в виде покойника.

Ну и наконец, **Призрак** – объект, как ему и положено, бестелесный и в природе, как это выяснится, действительно, не существующий. Так же, как и **Змея**, существовавшая, как окажется, лишь в воображении постояльцев пансионата «Парадиз».

Вот и весь список.

После чего позвольте приступить к дальнейшему повествованию.

— — —

..... <...> и, узнав от меня, что *Висьольий Антон* едва ли нынче повезет их на воды и *обратон*, после обеда (весьма недурственного) вся публика собралась в гостиной и предавалась скуке и безделью. Его высокопревосходительство генерал Белозерцев дремал в кресле, г-жа Дробышевская и г-н Васюков играли в шахматы, инженер Шумский, полагая, что на него никто не смотрит, украдкой причащался к небольшой фляжке, остальные постояльцы, включая вашего покорного слугу, читали не первой свежести газеты.

Из газет

– Бомбой анархиста убит нижегородский губернатор.

– Эригерцог Франц Фердинанд готовится посетить боснийский город Сараево.

– Усилиями графа Энгерта в Москве создан первый гольф-клуб.

– Германцы спустили с судовой верфи свое новое изобретение – подводный корабль измещением в 50 тыс. пудов.

– Зоологическим садом Санкт-Петербурга за 5000 фунтов-стерлингов приобретен африканский единорог. Имя 200-пудового чудовища – Малыш.

– В губернском городе К*** полицией задержан г-н Жучков, содержатель притона с малолетними рабынями. Идет следствие.

– ...нет, нет и нет! – говорят лучшие русские умы...

И т. д.

– Нет, нет и нет! Это дико, дико, черт побери! – вдруг нарушил тишину г-н Кляпов.

Восклицание его не было адресовано никому, но позади него немедленно образовался г-н Львовский в белоснежном костюме с пестрым, павлиньим кашне на шее и, заглядывая в газету через его плечо, проговорил:

– М-да, согласен – вправду, несколько диковато.

Кляпов отчего-то сразу взъярился:

– И это, по-вашему, лишь диковато?!

– Даже дико, не стану возражать, – покладисто согласился Львовский. – За какого-то чертова двухсотпудового единорога – пять тысяч полновесных британских фунтов-стерлингов!

– О чем вы, Боже правый, о чем вы, милостивый государь?! – еще более разгневался Кляпов. – Какой, какой еще, к чертям, единорог?! Когда какой-то растлитель – девочек, божьих созданий!.. У нас, в России! Ужас! Апокалипсис!.. А кое-кому – *диковато*, и только-то!.. Диковато!.. – Отшвырнув газету, он вскочил и направился к двери, бурча: – Диковато... Диковато ему, видите-ли...

Львовский недоуменно пожал плечами:

– Что я такого сказал?.. Уж, право, и не знаю, как с вами... – в ответ на что Кляпов, чуть позадержавшись в дверях, гневно ответил:

– А вам, милостивый государь, и не надо знать – «как – со мной»! Как со мной – вам знать совершенно не надобно! – Замахал длинными ручищами, ушел.

Львовский лишь пожал плечами и проговорил в пространство:

– Дурак...

При этом остальные обитатели пансионата старательнейшим образом показывали, что им нет ни малейшего дела до этой внезапной перепалки.

После продолжительной тишины генерал Белозерцев наконец обратился ко мне:

– Стало быть, я так понимаю, *висьолого Антона* до ужина можно не ждать?

– Думаю – да, – подтвердил я. – Впрочем, он сказал, что «щас будет обратон».

– А-а, «щас»... – вздохнуло его превосходительство. – Тогда скорей всего – завтра к утру, не раньше: у тутошних детей гор свое исчисление времени... – Далее он заговорил скорее с самим собой, нежели со мной: – Это что ж получается... Завтра он сперва вернется отвезти нас на воды, потом – обратон; в результате, стало быть, и полицмейстер и, труповозка сюда прибудет никак не раньше, чем к завтрашнему вечеру...

Я с удивлением спросил:

– Вы, кажется, сказали – *труповозка*?

– Ну да, – кивнул генерал, – труповозка. Карета такая, что покойников увозит... Ах, да! вам, видно, еще не успели сообщить! Постоялец наш, господин Сипяго, не далее как вчера приказал нам всем долго жить. Сейчас пребывает в подвальном лёднике, такой вот случился с ним на отдыхе выкрутас судьбы. Да вы не пугайтесь, *mon cher*, покойники, в отличие от нас, живых, существа вовсе даже безопасные.

Вот уж чем меня ничуть не испугаешь – так это покойниками: как-никак, прежде, чем стать прокурором, шесть лет служил в должности губернского судебного следователя, и уж всякого тогда пришлось повидать. Я лишь поинтересовался – отчего, де, сей господин Сипяго почил в бозе, и сразу ощутил напряженные взгляды остальных присутствовавших в гостиной, устремленные в нашу сторону, один лишь генерал Белозерцев оставался невозмутим.

– Гм, отчего?.. – произнес он. – Вот судебный дохтур вскрыет и, надеюсь, даст себе труд сообщить... Одно лишь могу сказать: когда лет сорок тому назад, – мы тогда под Геок-Тепом⁵ стояли, – когда там одного нашего штабс-капитана змея ужалила, у него было в точности такое мученическое выражение лица...

⁵ *Геок-Тене* – крепость в Туркестане, взятая в 1881 г. отрядом генерала М. Д. Скобелева.

– Да какие тут змеи?! – вмешалась Амалия Фридриховна. – Сроду в наш отель никакие змеи не заползали! (О! Как потом выяснится, заползали, да еще какие! Но только в фигуральном смысле, разумеется.) Хотя, – продолжала она, – я слыхала, в здешних краях они водятся. Во всяком случае, всем нам следует на всякий случай соблюдать осторожность.

Во мне же сразу напряглась давняя следовательская жилка. Я спросил:

– А нельзя ли мне взглянуть на усопшего?

– Чего ж нельзя? Ничего в том хитрого, – отозвался генерал. – Только, пардон, компании вам не составлю, у меня что-то в животе крутит. – После чего он крикнул: – Эй, Абдуллайка, подь-ка сюда! – Тот немедленно появился, и генерал тоном, не терпящим ослушания, приказал ему: – Отведешь его превосходительство господина прокурора в ледник.

Через несколько минут очутившись в леднике, я в свете фонаря, который держал позади меня Абдуллайка, внимательно оглядел усопшего, лежавшего на скамье. Да, выражение лица у него было именно мученическое. Однажды я видел покойника, погибшего от укуса змеи; пожалуй, впрямь нечто подобное было у того на лице.

И тут на ладони у Сипяги я впрямь обнаружил след от небольшого укуса, вокруг этого следа распространилась красная сыпь. Неужто вправду змея таки заползла сюда?..

Когда я вернулся в гостиную, хозяйка пансионата настороженно спросила;

– Ну, Петр Аристархович, каково же ваше заключение? – И умоляющим голосом добавила: – Смерть, надеюсь, вызвана естественными причинами?

– Не знаю, не знаю, – уклонился я от ответа, – в конце концов, я же не врач... А не скажете ли, каков был род занятий покойного?

– Право, я как-то даже...

– Представился как коммивояжер, – подал голос господин Финикуиди, – однако, по моему, это не так – выправка уж больно военная.

– Да, да, – подтвердил генерал Белозерцев. – Гвардейская, я бы даже сказал, выправка!

Я спросил хозяйку:

– А нельзя ли мне осмотреть его комнату?.. Конечно, понимаю – это, вероятно, идет в разрез с порядками вашего заведения, поскольку лицо я нынче не официальное...

После небольших колебаний, она ответила:

– Ах, разумеется, разумеется, делайте все, что считаете нужным.

Мы с ней поднялись во второй этаж, и она своим ключом открыла комнату.

Здесь было не убрано и не проветрено, постель оставалась не заправленной.

– Я запретила Дуне здесь убирать до прибытия полиции, – извиняющимся голосом произнесла она, – так что уж простите за беспорядок.

– Нет, нет, вы поступили совершенно правильно, – сказал я и с этими словами раскрыл стоявший на стуле саквояж.

Сверху лежал большой револьвер системы «Смит-и-Вессон», что ничуть меня не удивило: после беспорядков пятого-седьмого годов российские путешественники весьма часто вооружались в дорогу; к слову, у меня тоже в кармане лежал заряженный браунинг. Собственно, вещи покойного меня мало интересовали, я искал какие-нибудь документы и в конце концов в боковом потайном отделении саквояжа обнаружил сложенный вчетверо лист атласной бумаги.

Я развернул его и прочел:

...удостоверяется, что податель сей бумаги является ротмистром Охранного отделения Министерства внутренних дел Российской империи Борисом Васильевичем Сипяго.

Всем органам полиции и гражданского управления вменяется: в любой момент оказывать г-ну Сипяге всяческое содействие, какого он потребует.

Товарищ Министра внутренних дел

тайный советник Осипов.

Да, дело было – не приведи Господь! Убиенный оказался важной персоной из не поминаемой всею Охранки и явно находился он тут *при исполнении*. Мог ли он так запросто подпустить к себе змею?..

.....
.....
..... <... > выйдя из лёдника, превратившегося в мертвецкую. (Забегая вперед, скажу, что в этом своем качестве она еще пополнится, и не раз.)

Видя мое лицо, Амалия Фридриховна спросила с тревогой в голосе:

– Что, что там?!..

Я счел за благо солгать. Сказал:

– Так, ничего существенного, просто деловая бумага. Похоже, он в самом деле коммивояжер, – и с этими словами спрятал бумагу в карман.

Ту же самую ложь я повторил и после того, как мы с хозяйкой вернулись в гостиную.

– Жаль, – произнес генерал Белозерцев. – С такой выправкой надо было ему – прямиком в гвардию.

И в этот самый момент откуда-то вдруг Кажется, даже покачнулось здание

.....
.....<...> едва придя в себя после этого дикого грохота. Казалось, что стены все еще покачиваются; во всяком случае, люстра уж точно ходила ходуном, того и гляди, оторвется и рухнет.

– Беяз Олим... – тихо проговорила госпожа Ахвледиани.

– Белая Смерть, – совершенно спокойно перевел генерал, возможно, понимавший по-татарски. Из всех он тут один сохранял полное спокойствие. – Здешний ледник. Сошел, стало быть, голубчик.

– Это ужасно!.. – отходя от испуга, произнес господин Львовский. – Ведь он запросто мог пройти по нам!..

– О, вот это – никак, – сказала Амалия Фридриховна, – иначе мы бы тут не стали строиться. Из века в век он сползает именно там, в двух верстах отсюда... Однако же теперь мы, похоже, на некоторое время полностью отрезаны от остального мира, покуда не расчистят дорогу. Телефонная связь также, полагаю, оборвана.

– *Обалдеть!* – сказала очаровательная Ми, явно не блиставшая хорошим воспитанием. – Как на необитаемом острове! Еще небось и кушать будем друг друга!

– Совсем, совсем отрезаны от мира... – пробормотал господин Кляпов. – Это, однако, ужасно...

– Отрезаны от мира! Как это, с другой стороны, романтично! – воскликнула госпожа Евгеньева.

– Мы всегда отрезаны от мира. Только совсем от иного мира – от мира высших сил, – торжественным голосом произнесла госпожа Дробышевская.

– М-да, отрезаны... – кивнул генерал Белозерцев. – Помню, наш батальон тоже, было дело, однажды турки отрезали...

– Отрезаны – так отрезаны! – как мне показалось, даже возрадовался инженер Шумский. – Будем веселиться! Вино-то в погребах еще есть? (Да он и уже был явно навеселе.)

– Да, имеется в достатке, – кивнула княгиня. – Повторяю, господа, здесь, у меня в пансионе, вы ни в чем не будете испытывать нужды. Так что и вы, милая Ми, и вы, господин Шумский, можете быть спокойны: и вина имеется вдоволь, и еды; в общем, кушать друг друга никак не придется. (О, тут она заблуждалась!)

– Пардон, и долго ли, кто знает, могут продолжаться эти раскопки? – спросил господин Васюков.

– Не могу знать, – ответила хозяйка, – последний сход лавины произошел, когда меня еще не существовало на свете, но, как я полагаю, дней десять... ну никак не более двух недель. Приношу вам, конечно, свои сожаления за ваш испорченный отдых.

– Полноте, – сказал я, – уж за что вы не можете нести ответственность – так это за Божию стихию.

– Mersi, – удостоила меня кивка княгиня, державшаяся, к слову, весьма царственно. – Однако за благополучие моих гостей отвечаю целиком я, и смею заверить вас, господа, что погреб у меня полон, кухня будет работать по-прежнему, и с этой стороны вы не испытаете никаких неудобств.

– Это какой такой погреб? – проговорил брюзга Петров. – Уж не тот ли, в котором лежит покойник? Вот уж, право, обрадовали!

– Пòлно, пòлно, голубчик, – сказал генерал Белозерцев, – покойника вам на обед – ха-ха! – никто и не предложит. А то, что он рядом, так я вам сообщу... Помню, когда мы – лет чуть не сорок назад – стояли под Плевной, так там не раз приходилось столоваться рядом с покойниками, и уверяю вас – никакого не вышло вреда для организма.

– Ах, да прекратите ж вы! – взмолилась госпожа Евгеньева..

– А что такого? – пожал плечами генерал. – Обычное дело... Или вон, когда я под Плевной батареей командовал... Помню, ел я тогда кашу из котелка, а тут поблизости разрыв снаряда; гляжу – у меня в котелке... Что бы вы думали? Чей-то оторванный палец, да-с! И что ж? Вытряхнул я этот палец из котелка да и продолжил себе трапезничать. Оттого что голод, милостивые государи, он – не тетка, а было там, в Болгарии, голодно весьма, интенданты, каналы, все разворовали; ну а с голоду – так и не заметишь... А палец – что? Ничего в нем отравительного нету.

– Да прекратите же вы наконец, ваше высокопревосходительство! – впервые услышал я голос молодого г-на Кокандова. – Право, во всем надо иметь меру.

– Мало того, что нам тут еще недели две жить в соседстве с покойником, – вставила Евгеньева, – так еще и вы со своими гадостями!..

Генерал искренне удивился:

– А что ж я такого сказал? Се ля ви, жизнь есть жизнь, в ней оно всяко бывает, я всего лишь об этом... Впрочем, если не желаете слушать, то как хотите...

Совершенно по-детски надувшись, он отошел к окну, и засопел так же по-детски обиженно.

Купец Грыжедов, досель молчавший, поспешил разрядить обстановку.

– А и то сказать, господа, – хуже голода ничего не придумаешь, уж кому не знать, как мне. Пришлось, ох уж пришлось натерпеться в молодые годы! Вы на мою нынешнюю внешность не смотрите; вы бы меня в детстве моем видели! Тощ был, право, как удочка, есть хотелось все время, даже во сне. Ну да понятно: папенька был сапожник, к тому же, царствие ему небесное, сильно пьющий сапожник, а нас, детишек, у него осьmero душ, так что, почитай, на одном хлебе да квасе сидели. Унизительное, скажу вам, это чувство – голод! – и какое-то виноватое выражение образовалось на его добром, конопатом лице.

– Да, да, это великое благо – что у Амалии Фридриховны такой запас провианта, – встрял господин Львовский. – А то я давеча читал: штормом вышвырнуло судно на необитаемый остров где-то, кажется, в Атлантическом океане. Потерпевших крушение было человек сорок, а имеющегося провианта на такую ораву едва хватит на неделю десятерым. Вот они и стали потихоньку ночами убивать друг друга, при том, что по природе своей не являлись никакими злодеями. Их через пять дней спасли; так за это время они успели (гы-гы!) облегчиться на два десятка лишних ртов, – каково?!

– Нет, не могу, не могу больше слышать подобных гадостей! – воскликнула госпожа Евгеньева.

– А что я такого сказал? – как всегда, не понял тот. – С нами-то, я так понимаю, ничего подобного не случится. Уж как-нибудь все останемся целы...

Ах, как он на сей счет заблуждался!..

Впрочем, обед в самом деле оказался на уровне лучших ресторанов.

— — —

..... <...> и никак не удавалось мне избавиться от ощущения, что где-то поблизости шуршит змея.

Сколь я был не далек от истины!..

Между тем, постояльцам отеля «Парадиз» грозила неизбежнейшая из бед, сопутствующих принудительному заточению – скука. После обеда тут и там очагами вспыхивали разговоры, но почти тут же и угасали – либо ввиду малой заинтересованности собеседников, либо из-за нежелания одной из сторон его поддерживать.

Генерал Белозерцев. И вот что я вам, госпожа Евгеньева, в этой связи скажу: что бы там не писали наши газеты, но если что – надает нам скоро немчура по мозгам, как не столь давно япошки надавали. Потому как... Потому как во главе у нас – зауряд-полковник, и – уж поверьте добавить старому вояке – далеко не самых выдающихся талантов... Да и согласитесь: лезть в войну, когда у тебя повсюду мздоимство, когда под боком тлеет, как уголь под сухим сеном, не загашенная революция!..

Грыжеедов. Однако же вы, ваше превосходительство, не учитываете наш патриотический дух! У немцев такого нет и быть не может! И я вам еще вот что скажу...

Г-жа Евгеньева. Ах, довольно, довольно, господин Грыжеедов, довольно, ваше высокопревосходительство, право же, политика меня весьма мало интересует...

— — —

Г-н Кляпов (*озираясь*). И долго, скажите, мне еще эту вашу адскую штуковину у себя хранить?

Г-н Кокандов. Тише, прошу вас!.. Клянусь: если б не эта лавина – уже нынче бы вас избавил...

— — —

Профессор Финикуиди. ...Да, да! представьте себе! Этот самый швейцарский профессор Айнштейн показал, что пространство и время – суть одно! Нашу жизнь можно, стало быть, измерять в верстах и аршинах! – каково?! Интересно, на какой версте жизни нас застигла эта лавина?

Г-н Петров (*Поглядывая на Кляпова, громко*). Свершено не понимаю, как могут занимать подобные нелепости, когда девочки... совершенно невинные... цветки жизни... Когда их – какие-то работорговцы!...

— — —

Г-жа Дробышевская. ...И если я вас сколько-нибудь заинтересовала теософскими идеями госпожи Блавацкой...

Г-н Кляпов. Г-м...

Г-жа Дробышевская. Но однако – куда же вы, Павел Игнатьевич?

Г-н Кляпов. *Sortir.* (Стремительно удалился.)

Г-жа Дробышевская (*a parte*⁶). Хам!

— — —

Г-н Львовский. Позволено ли мне будет спросить у вас, очаровательная Ми?.. Ваше странное имя... не происходит ли оно из рассказа покойного писателя Чехова, где имеется столь же очаровательная Мисюсь?

Ми. Я же просила тут всех: просто Ми! Коротко и просто!

(Очень прямо держа свою прелестную фарфоровую головку, она чуть удалилась и понюхала какой-то белый порошок с тыльной стороны своей ручки. Ах, не трудно было догадаться, что это за порошок! Не столь давно я в поэтическом салоне Петербурга видел, как то же самое проделывал кумир нынешней молодежи, поэт Александр Блок. Что тут скажешь, кроме как: *o tempore, o moris!*⁷)

— — —

Г-н Васюков. ...Да, да, весьма интересно. Говорите — у берегов Красного моря?

Г-жа Дробышевская. Дважды! Видела там скиты первых христиан, это просто потрясает воображение! Я как раз буду делать доклад на заседании Лондонского общества... И еще кое-что весьма любопытное... Помните, я говорила? Купила как-то в Индии.

Г-н Васюков. О, да, ваша географус (*отчего-то он выразился именно так*)... Это крайне, крайне любопытно...

— — —

Дуня (*стряхнув с себя руку господина Петрова*). Но-но, без глупостей, Сергей Сергеевич! Вот замуж возьмете — тогда...

— — —

Г-жа Ахвледiani (*ко мне*). И что же вы все-таки думаете, господин прокурор, касательно смерти господина Сипяги?

Ваш пок. сл. Ах, ничего не думаю, княгиня, пускай полиция думает; право же, я — не полицейский и не судебный следователь.

— — —

...Тут, однако, я, пожалуй, все-таки несколько sluкавил: судебный следователь, каковым я был пятнадцать лет тому назад, уже начинал пробуждаться во мне. Хочу здесь добавить, что в качестве начинающего следователя стажировку я проходил у знаменитого судебного следователя по фамилии Лежебоко⁸, раскрывшего множество самых запутанных дел и многому меня научившего, а уж его-то загадка смерти ротмистра Охранки наверняка крайне бы заинтересовала, и никогда бы он не позволил ни себе, ни мне пройти мимо нее стороной.

Как бы поступил сейчас Савелий Игнатьевич Лежебоко, окажись он на моем месте?..

⁶ Про себя (*итал.*)

⁷ О времена, о нравы! (*Лат.*)

⁸ О дальнейшей судьбе следователя Лежебоко см. в книге В. Сухачевского «Злой Октябрь» («Из архивов Тайного Суда»).

Но мои раздумья на сей счет прервали *гномы*, явно уже готовые приступить к очередной попытке. Предупредив их намерение спасительной пилюлей, я поднялся в свою комнату, дабы прилечь, – после приема этих пилюль полагалось пару часов соблюдать покой, – и, улегшись, раскрыл прихваченный с собою в дорогу французский роман-фельетон Гастона Леру – хотя и не самой высокой пробы, но весьма занятное чтение. Особенно меня привлекала в этом авторе тема убийств в запертой изнутри комнате; на сей счет он был мастером весьма хитроумных построений. Я старался читать как можно медленнее, поскольку то была единственная книга, которую я взял с собою в дорогу – полагал, что на водах куплю еще что-нибудь эдакое.

Увы, теперь это было несбыточно, и когда через два часа я дочитал сию книжечку до последней страницы, осознал, что теперь дней десять как минимум мне останется лишь предаваться смертной тоске.

«Впрочем... (тот юный судебный следователь снова пробудился во мне) ...впрочем, при учете сложившихся обстоятельств, возможно, будет и не до скуки», – подумал я, и как раз в этот самый момент услышал тихие голоса в коридоре.

На цыпочках я приблизился к двери, – она была весьма тонкой, – и прислушался.

Голоса я сразу узнал – то были господа Кляпов и Кокандов.

– Ради Бога, уж заберите у меня наконец эту штуковину! – хоть и вполголоса, но весьма страстно произнес Кляпов. – И вообще! после открывшегося мне – я решительно. Слышите, решительно не желаю более!..

– Да успокойтесь же вы, лично для вас нет ничего сколь-нибудь опасного.

– Опасностей, как вам известно, я не боялся и не боюсь! А теперь – в особенности!... И коль не опасно, – зачем же в таком случае прятать это у меня в номере?

– Я же вам, кажется, объяснял – этот человек явно шпик, он все время терся возле моей комнаты. Если он обнаружит – это может быть совершенно превратно им истолковано. Поверьте, это устройство вовсе не мое, меня лишь просили передать, и я как честный человек не могу не выполнить.

– Да наплевать, наплевать мне теперь, о чем вас таком просили! Та жизнь, которой я жил, – теперь она совершенно кончена!

– Ах, да полно. Да, согласен – произошла трагедия; но в жизни имеются и другие вещи...

– Это в чьей жизни?! В моей жизни – уже не осталось ничего! В особенности – для вас!

– Полно, полно. Ну в последний, в самый последний разочек. Более – никогда, клянусь.

– О, уж эти ваши клятвы!.. Ложь, сплошная ложь! Заберите от меня *это* немедленно!

– Что ж, заберу, заберу. Непременно. Вечером. А покуда – успокойтесь же вы наконец.

– Успокоиться?! Это *вы мне* говорите?! При данных обстоятельствах?!..

– Ну будьте же наконец, право, мужчиной, держите себя в руках.

– Извольте-ка, я как-нибудь – без ваших советов!..

– Пардон, пардон... Но все-таки...

Их голоса стали стихать, они, продолжая разговор, спускались по лестнице. Весьма заинтригованный, я тихо вышел в коридор.

Номер господина Кляпова располагался рядом с моим. Скорее машинально нежели на что-то рассчитывая, я примерил свой ключ к замку его двери, и – о ужас! – он там застрял.

Кляня себя за неуклюжесть, я сделал несколько судорожных движений; тут вдруг замок щелкнул, и дверь открылась, ключ же наконец мне удалось вытащить. Теперь все тот же юнец, судебный следователь, снова толкал меня на подвиги. Впрочем, полагаю, и многомудрый Савелий Игнатьевич Лежебоко в данную минуту поступил бы так же.

Я вошел в этот номер, в точности такой же, как мой, и огляделся. Где-то здесь должна была быть спрятана *эта штуковина*. После непродолжительных поисков я обнаружил перевязанную бечевкой коробку, лежавшую в шкафу, аккуратно развязал узлы и тут увидел...

Да, сомнений быть не могло! Это была так называемая «адская машина» с часовым механизмом, устройство, позволяющее взорвать бомбу в определенный момент, однажды я уже видел подобную штуку, когда занимался расследованием дела о покушении на нашего губернатора. Правда, в данном случае, к счастью, самой бомбы в коробке не было.

Увы, я не представлял себе, как теперь со всем этим быть.

Пока что я стал снова аккуратно перевязывать коробку, не переставая прислушиваться, не идет ли кто по коридору, при этом на дверь позади себя, ведущую в туалетную комнату, не обращал внимания, ибо не ждал с той стороны никакой опасности...

Напрасно! Ведь учил, учил меня Савелий Игнатьевич, что наибольшая опасность – она всегда прячется сзади...

В доказательство этого, я вдруг сзади получил сильный удар по голове, мир рассыпался на осколки и тут же померк...

Вечер первый

Пети-жё.

Рай с сюрпризами

Из беспамятства меня вырвал женский голос, звеневший в коридоре:

– Господа, господа! Прошу всех спуститься в залу! Тут возникла великолепная идея! Господа!..

С трудом я из каких-то околушков восстановил в памяти то, что со мной произошло, лишь затем с превеликим трудом открыл глаза, но было совсем темно, только из-под двери пробивалась полоска света. Как это ни странно, рука моя почти сразу ухватила шнурок электрического выключателя.

Когда зажегся свет, я с удивлением обнаружил, что лежу на кровати в собственном номере, стало быть, кто-то перетащил меня сюда и даже, уложив, заботливо снял с меня пиджак и штiblеты. Я взглянул на часы. Время приближалось к одиннадцати вечера, значит, я находился в беспамятстве не менее семи часов. Голова гудела страшно. На затылке я нащупал основательную шишку.

Тут раздался стук в мою дверь, и теперь я узнал голос госпожи Евгеньевой:

– Петр Аристархович, ну спускайтесь же, спускайтесь вниз! Ей-богу, не пожалеете!..

.....<...> на нетвердых ногах спустившись по лестнице в гостиную. Здесь уже собрались все остальные постояльцы, присутствовала и хозяйка пансионата, княгиня Ахвледзани.

– Петр Аристархович, наконец-то! – воскликнула госпожа Евгеньева (декольте ее вечернего платья было много глубже, чем то, что я видел утром). – Теперь, когда все наконец в сборе...

– А я звала вас и на five o'clock, и на ужин, – сказала мне княгиня Ахвледзани, – но отчего-то вы не отзывались.

– Да, да, устал, признаться, с дороги, – пробормотал я.

Госпожа Евгеньева нетерпеливо продолжала свое:

– Послушайте, что мы тут с княгиней и с Оленькой Дробышевской придумали, чтобы нам всем не околеть от скуки, пока нас там раскапывают! Предлагается принять участие в забавной игре... Как вы, Ольга Михайловна, это назвали?

– Пети жё⁹, – подсказала госпожа Дробышевская.

– Да, да, именно так!

– Это что же, – поморщился профессор Финикуиди, – каждому всякие гадости про себя рассказывать, как, помнится, в романе у господина Достоевского?

– Ах, ну зачем же непременно гадости?! Просто забавные истории из своей жизни. Только, ради Бога, не про покойников и не про пальцы всякие оторванные, – игриво погрозила Евгеньева генералу.

– Скорее – как в «Декамероне» у Боккаччо, – вставила Дробышевская.

– Как же-с! Читали. – Генерал хмыкнул в усы. – Дьявола в ад, и все такое... М-да, презабавная, презабавная книженция.

Евгеньева снова погрозила ему пальчиком:

⁹ От франц. *petit-jeux* («маленькие игры») – нечто наподобие игры в фанты. Описано, например, в романе Ф.М. Достоевского «Идиот».

– Ну-ну, ваше превосходительство, уж не до такой, конечно, степени, как в той новелле про дьявола. Но главное вы уловили верно: в каждой истории непременно должна быть l'amour, обязательно l'amour, без этого история не принимается. Всякий вечер собираемся в этой зале, и тот, кому выпадет фант, рассказывает свою историю, непременно из собственной жизни!..

– И как же прикажете вот так вот разоблачаться, когда тут и дамы, и вон даже – почти что дитя? – он кивнул в сторону юной Ми.

– Я не дитя! – вскинулась та. – Поверьте, я уже многое видела в этой жизни.

Прозвучало настолько забавно, что мало кто смог удержаться от улыбки.

– Вот видите, никто из дам не возражает, – сказала княгиня Ахвледиани.

– И потом, – добавила Дробышевская, – мы все в скором времени (надеюсь) отсюда разедемся и мало вероятности, что когда-либо еще в жизни пересечемся. Мне кажется, это может способствовать большей раскованности.

– Хм, пожалуй что... – согласился с ней господин Васюков. – Только сразу так и не сообщишь, что рассказывать...

– Зачем же сразу? Тот, кому выпадет фант, получит сутки на размышления. Амалия Фридриховна, нужен какой-нибудь картуз.

– Да-да... Абдуллайка! – позвала княгиня. – Неси сюда свой картуз.

– А я пока, позвольте, приготовлю фанты, – сказала Евгеньева.

Она отошла к окну и принялась разрезать маникюрными ножничками лист бумаги на квадратики.

Я вглядывался в лица присутствующих в зале. Кто-то из них не столь давно саданул меня чем-то увесистым по голове; кроме того, этот «кто-то» знал, что я учинил обыск в чужом номере, и я пытался угадать, кто же это из собравшихся тут...

Нет, понять это было решительно невозможно!..

И еще я думал: зачем господину Кокандову понадобилась «адская машина», кто он вообще такой?..

Кокандов стоял с невозмутимым видом – по крайней мере, едва ли он знал об учиненном мною обыске.

И снова чудилось, что змея где-то рядом притаенно шуршит...

– Ну вот, все готово, – сказала Евгеньева, насыпая свернутые фанты в Абдуллайкин картуз. – Прошу, господа, тяните по очереди!

Первым, позадержав дыхание, вытащил фант Петров.

– Пусто! – развернув фант, с презрительным облегчением выдохнул он.

Далее последовала моя очередь. Я с опаской взял фант. Пока что это пети-жё казалось мне затеей довольно сомнительной.

По счастью, фант мне выпал тоже пустой.

– Недолет... Недолет... – комментировал все это генерал Белозерцев.

Третьим тянул фант господин Васюков.

– А вот это – вилка! – сказал генерал, заглянув ему через плечо.

– Да... – смущенно проговорил Васюков. – Я, стало быть, первый... Но я... право же... Совершенно не представляю...

– Вот и подумайте хорошенько, – сказала ему Евгеньева, – до завтрашнего вечера у вас достаточно времени. Не бывает, чтобы в жизни у солидного мужчины не нашлось чего-нибудь такого.

– Хорошо, я подумаю, сударыня, – пообещал Васюков.

– Вот и славно!.. На сем пока и прервемся... До завтра, господа!

Только по возвращении в свой номер я осознал, сколь неуместным будет это пети-жё поблизости с лежащим в леднике покойником... В добавок – по соседству с адской машиной;

вдобавок – когда знаешь, что кто-то из здешних постояльцев недавно оглоушил тебя чем-то увесистым.

Улегшись, я стал думать, чем займу себя завтрашним днем. Тот молодой судебный следователь то и дело впрыгивал в меня и уговаривал заняться расследованием и убийства, и всех странностей, скопившихся в странном воздухе этого пансионата.

Впрочем, никакого толкового плана действий юнец-следователь предложить покамест не мог, а накопившаяся усталость не давала и седовласому прокурору что-либо подсказать этому юнцу. Да и шишка, образовавшаяся на голове у его превосходительства господина прокурора теперь болела нещадно, заглушая даже *гномов*, подбиравшихся к нутру.

Я принял пилюлю. Гномов она заглушила, но против боли в затылке оказалась бессильна, так что пришлось принимать еще и снотворное, и только после этого мне кое-как удалось уснуть. Сквозь сон мерещилось: снова змея шуршит где-то рядом...

Разбудил меня среди ночи грохот, донесшийся со стороны лестницы – явно кто-то по ней скатился вниз. Вслед за тем послышался мужской голос:

– Черт!.. Да что вы себе позволяете?!.. Вы с ума сошли!..

После чего снова все стихло, но уснуть мне теперь уже более так и не удалось до самого утра.

Да, по всему, этот «Парадиз», то бишь «Рай», был со своими сюрпризами!

* * *

*Телеграммы*¹⁰

ТАЙНОМУ СОВЕТНИКУ ОСИПОВУ
СРОЧНО
СЕКРЕТНО

В СОСТОЯВШЕМСЯ ВЧЕРА ТЕЛЕФОННОМ РАЗГОВОРЕ РОТМИСТР СИПЯГО СООБЩИЛ ЗПТ ЧТО ЗПТ ПОМИМО ЕГО ОСНОВНОГО ЗАДАНИЯ ЗПТ ВСТРЕЧИ С ПИЛИГРИМОМ ЗПТ ЗИГФРИД ИМ ТАКЖЕ ОБНАРУЖЕН

НО В СВЯЗИ СО СХОДОМ ГОРНОГО ЛЕДНИКА РОТМИСТР ОТРЕЗАНЫ ЗПТ ОТЧЕГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ОПЕРАЦИИ ГАМАЮН ПОКА НЕВОЗМОЖНО

УТРОМ ЗПТ ПОКА БЫЛА ТЕЛЕФОННАЯ СВЯЗЬ ЗПТ НЕ ИМЕЛ ОТ СИПЯГИ НИКАКИХ ВЕСТЕЙ

ПРОБИТЬСЯ СКВОЗЬ ЛЕДНИК В ТЕЧЕНИЕ БЛИЖАЙШЕЙ НЕДЕЛИ ЕДВА ЛИ УДАСТСЯ

ОСТАЕТСЯ НАДЯТЬСЯ ЗПТ ЧТО СИПЯГО В СИЛУ ЕГО ОПЫТА САМ СУМЕЕТ ПРИНЯТЬ НАДЛЕЖАЩЕЕ РЕШЕНИЕ

НАЧАЛЬНИК СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО
ОТДЕЛЕНИЯ ЖАНДАРМСКИЙ РОТМИСТР
БУРМАСОВ

— — —

РОТМИСТРУ БУРМАСОВУ

¹⁰ Телеграммы были вложены меж страниц рукописи на этом самом месте. О том, как Петру Аристарховичу удалось впоследствии добыть столь секретные документы, не берусь догадываться. – Ю. В.

СЕКРЕТНО

НЕ ВОЛНУЙТЕСЬ ЗПТ СИПЯГО СПРАВИТСЯ САМ
ОСИПОВ

— — —

Из газеты «Губернские новости»¹¹

Как уже сообщалось в нашем предыдущем выпуске, второго дня полиция захватила притон с малолетними рабынями.

Изловленный как хозяин притона некий г-н Жучков, как выяснилось, в действительности хозяином не являлся, он лишь выполнял чьи-то указания. То же относится и к его супруге, г-же Жучковой.

Оба они, а также двое охранников и их подручных по борделю, были задержаны и на время следствия расселены по разным камерам тюрьмы предварительного заключения.

Увы, всех четверых наутро нашли мертвыми, с явными следами насильственной смерти. Не станем сообщать всех ужасающих подробностей; обмолвимся лишь, что г-на Жучкова нашли с камнем во рту, вбитом ему в самое горло. Другие смерти – того ужаснее.

Отчего-то на стене камеры, в которой нашел свою смерть г-н Жучков, на стене было сажей начертано по-немецки слово «Stein» (камень), от чего тот, собственно, и принял смерть.

Истинный хозяин притона, на коего работал г-н Жучков, разыскивается, но, как мы полагаем, едва ли когда-либо будет изловлен.

¹¹ Губерния не установлена. Кем вставлена эта вырезка, моим отцом или автором настоящего повествования, догадаться не могу. – Ю. В.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Прodelки Беяз Шаулы. – «Пулемет-хреномет» и «революция-хренолюция». – Новые сюпризы.

Завтрак, как и обед давешний, происходил за table d'hot¹². Хозяйка, Амалия Фридриховна, завтракала вместе с гостями, а из постояльцев пансионата по какой-то причине отсутствовал только инженер, господин Шумский.

– Дуня! – позвала княгиня.

Девушка немедля явилась на зов.

– Дуня, – строго спросила княгиня, – ты господина инженера случаем не забыла пригласить?

– Как же! Три раза к ним стучалась! Должно, спят очень крепко.

– Что ж, оставь для него жульен, потом еще раз подогреешь.

– Так жульен никак нельзя ж подогревать по второму разу, Амалия Фридриховна, спорится он.

– Да, пожалуй... Ладно, ничего не поделаешь, будет есть холодный, сам виноват.

– И весьма, весьма пожалеет, – вставил купец Грыжедов, как раз в этот момент с наслаждением поглощая грибной жульен. – Сейчас, пока он теплый, вкус – преотменнейший! Давненько такого не едал! Премного благодарен, Амалия Фридриховна.

Княгиня, довольная, кивнула:

– Да, Лизавета у меня отличная стряпуха. За что и плачу ей, как повару в первоклассной ресторации.

Гости наперебой принялись нахваливать и жульен, и прочую снедь, я же, вспомнив о звуках, донесшихся до меня ночью, все внимательнее приглядывался теперь к нашему молчуну-учителю, господину Петрову. Он пользовался лишь вилкой, держа ее в правой руке, поскольку ладонью другой руки все время прикрывал левую сторону лица, но когда он, на какой-то миг забывшись, чуть сдвинул ладонь, я увидел, что эта часть лица у него изрядно распухла, а под левым глазом образовался основательный синяк.

Господин Львовский тоже заметил у него это украшение и по природной то ли глупости, то ли простоте, то ли бестактности воскликнул:

– Батюшки! Сергей Сергеич, да что ж с вами такое приключилось?! У вас же, право, под глазом натуральнейший... как бы это?..

– *Фингал*, – подсказала Ми.

– Да тут такая история... – пробормотал тот. – Нынче что-то не спалось, спускался ночью по лестнице, хотел свежим воздухом подышать, да по неловкости и сверзился. Все ступеньки пересчитал – вот оно и...

Прежде я лишь однажды слышал его голос, оттого тогда, ночью, и не узнал. Теперь не сомневался – то был он!

– Теперь вот и рука болит, и ребра, – добавил Петров.

– Не знаю, как начет руки и ребер, – прошептал мне на ухо сидевший рядом Кляпов, – но фингал такой получается вовсе не от ступенек, а исключительно от рукоприложения, это уж поверьте мне.

Да, его правота не вызвала у меня сомнений.

– Как же так получилось? – не унимался Львовский. – Лестница тут всегда освещена, а ступени широкие. – Экий вы, ей-Богу, голубчик, не осторожный!

¹² Общим столом (фр.)

Во мне настолько разыграло любопытство, что в бестактности я даже перещеголял господина Львовского. Произнес:

– Да, я слышал спросонья, как вы навернулись. Еще удивился – кого это вы там обругать изволили? Оказывается – их, ступеньки! И поделом!

– И это совершенно не лишено смысла, – вступила в разговор Дробышевская. – В каждом предмете, даже в лестнице, прячутся мистические силы, иногда добре, а иногда, как в данном случае, весьма злокозненные. Мир полон самых разных духов, иногда весьма не дружественных к нам, уверяю вас, господа. Просто не всем дано это узреть.

Петров зарделся – трудно сказать, от чего более, от своего столь явного вранья или от столь абсурдного объяснения. Он проговорил:

– Вы, возможно, правы, но в данном случае... Просто мне показалось, что кто-то толкнул меня в спину. Но потом, придя в себя, увидел, что там – никого.

И тут вдруг Дуня подала голос:

– Это он шуточки шуткует, он колобродит! Точно говорю, – он!

– Что за глупости? Кто – «он»? – спросила княгиня.

– Он! Этот бес! Абдулла называет: *Шаула*.

– По-татарски – «призрак», – пояснил генерал Белозерцев. – Я по-ихнему, по-татарски, еще с Геок-Тепе малость понимаю.

Дуня подтвердила:

– Вот-вот! Абдулла говорил: *Без Шаула*. Белый Призрак, то есть.

Когда-то судебный следователь Лежебоко учил меня, что мелкие подробности способны помочь изобличить любую нечистую силу. Сейчас, кажется, настал соответствующий момент. Увидев, что Петров близоруко щурится, я вспомнил, что вчера на нем были весьма приметные очки с толстой костяной оправой. Наверняка, тот *Шаула*, что саданул ему в глаз, и сломал эти очки. Но тогда, коли это все же не призрак, а человек, он неминуемо должен был поранить себе рук.

Я внимательно осмотрел руки всех сидевших за столом, но никаких следов ни у кого из них на руках не обнаружил.

Неужто и впрямь призрак?.. Вздор, конечно!..

Тем временем Дуня продолжала поминать этого самого Шаулу.

– Ах, опять все те же глупости... – вздохнула госпожа Ахвледiani. Затем пояснила для остальных: – Видите ли, у здешних детей гор существует такое поверье: дескать, когда сходит этот ледник, просыпается спавший досель под ним этот самый Без Шаула и творит свои проказы. – И укорила горничную: – Ты бы хоть, Дуняша, избавила нас от этих глупостей, ей-Богу.

Та вспыхнула:

– «Глупостей»?! А гребень мой – тоже, выходит, глупость, да?!

– Что еще за такой гребень? При чем тут?...

– А притом!.. Я хотела вам после рассказать, но раз уж так... Вот он, полюбуйте! – С этими словами она достала из кармана своего передника гребень для держания волос, украшенный разноцветными стекляшками. – Это «глупость», или что?!

– Ну гребень – и что с того?

– Да вы смотрите, что с ним сотворили! Абдулла сказал – теперь не поправишь, зубчики ломаются.

И тут я увидел, что два его медных зубца отогнуты, и вместе они напоминают некую конструкцию, подобную которой я, будучи судебным следователем, видывал не раз у N-ских воров, а именно – весьма умело сотворенную отмычку для замков. К слову сказать, изловленный у нас, в N., вор-домушник по кличке Ноздря однажды во время допроса даже в подробностях объяснил мне, как этой штукой пользоваться.

– Подумаешь! – сказала княгиня. – Ну наступил кто-нибудь невзначай на твой гребешок.

– Да?! А кто его из прически вынул по-незаметному? Он у меня завсегда крепко сидит в волосах.

– Да кому он нужен? Ему цена-то три копейки.

– Ну, положим, не три, а все семьдесят пять, три четверти рубля; для меня деньги немалые, десятая часть жалования, как-никак.

– Ладно. Но если кто-то и позарился, то откуда он снова у тебя?

– То-то и оно! Абдулла нашел возле лёдника.

– Сама же там, наверно, и обронила. А кто-то потом наступил.

– Да не была, не была я вчера вечером возле этого лёдника! Когда гости стали расходиться, сразу пошла к себе наверх. Здесь, в зале, он был еще на мне, а вернулась к себе – нет его! А мимо лёдника этого я вообще нынче не хожу, боюсь я до жути покойников, это уж Абдулла там нынче утром проходил. Он сказал: точно – это Беяз Шаула *абекай*. «Наколдовал», то есть. А кто бы еще? Люди-то здесь все – приличные.

«Да уж, приличней некуда», – подумал я, вспомнив про шишку на своей голове. Да и жертва кого-то из «приличных людей», ротмистр Сипяга, уже третий день лежал, не отпетый, совсем поблизости. Если прибавить к этому нынешний вид господина Петрова и обнаруженную мною адскую машину, то трудно сыскать публику более порядочную, чем та, что собралась здесь!

Дуня стряхнула набухшую слезинку.

– Что плачешь, глупая? – спросила княгиня. – Если нет другого горя, кроме как эти твои семьдесят пять копеек, то я тебе, так и быть, возьмешу.

– Благодарю, конечно, но я – не по деньгам... Просто замуж теперь не возьмут, а у меня уж третий десяток – к середине.

– Отчего ж не возьмут, из-за заколки, что ли?

– Вот вы потешаетесь, барыня, – сквозь слезы сказала Дуня, – а Абдулла мне говорил...

– И что же он говорил такого?

– Говорил, что этот Беяз Шаула – он не зря у девушек вещи ворует. Это значит, что он ее себе в невесты облюбовал. А коли так – он теперь никому подступиться не даст.

– Тоже Абдуллайка сказал? Боже правый, глупости какие!

– И вовсе даже не глупости! Он рассказывал... У них в ауле такое было шестьдесят лет назад; тоже тогда лавина с гор сошла, и Беяз Шаула проснулся. Тогда у одной девушки вещи начали пропадать, а потом все, кто к ней сватался, помирали: кто от болезни какой-нибудь помрет, кто вдруг с обрыва сверзится...

– ...а кто – с лестницы... – по-жеребачьи гыгыкнул господин Львовский.

После его слов все как-то машинально перевели взоры на красного, как вареный рак, опустившего глаза Петрова.

Повисшую тишину снова нарушил господин Львовский.

– Кстати, господа, – сказал он, – в моей комнате, кажется, тоже какой-то... как его там?... Беяз Шаула (гы-гы!) побывал. Вот, посмотрите-ка. – С этими словами он достал из кармана какой-то темный стеклянный бутылек.

– Что это? – спросила княгиня.

– Не могу знать, ибо, даю слово – сей предмет не мой, и как он очутился у меня, я ведаю. Тут на нем что-то написано, но... я не могу понять.

– Дайте-ка сюда, – попросил профессор Финикуиди и прочел: – *Oculus guttis*. Что означает всего-навсего – капли для глаз.

– С роду ничем подобным не пользовался! – воскликнул Львовский. – С глазами у меня, тьфу-тьфу, все в полном порядке.

– К тому же флакон пуст, – сказал Финикуиди.

– Где вы это нашли? – спросил я.

– Представьте себе, в кармане собственного пиджака. Вот этого самого. Утром стал надевать, а там, в кармане, что-то... Я этот пиджак в последний раз только позавчера надевал, в тот день, когда несчастный господин Сипяго... – Он примолк.

– Да, мы еще мало знаем о мире темных сил, – изрекла многознающая госпожа Дробышевская, а настроенная более практично госпожа Евгеньева сказала:

– При известной ловкости рук кто-то мог вам и на ходу положить. Вы могли и не заметить, когда вечером разоблачались, не так ли?

– В сущности, вполне мог, в тот вечер, признаться, вина выпил с господином Шумским. Но если кто-то подсунил – то, спрашивается, зачем?

– Ну а вы-то как полагаете?

– Да, собственно, ничего я даже и не полагаю. Вот, думаю, господин профессор определяет, что там было, для того и прихватил с собой. Вы ведь, кажется, химик, профессор? – обратился он к Финикуиди.

– Ну-ка, попробуем, – сказал профессор. – Дайте-ка сюда... Вообще-то для определения нужны колбы, реактивы; но... можно и проще... – С этими словами он взял со стола уксус, накапал немного во флакон, встряхнул его, затем произнес: – М-да, тут было все что угодно, но точно не глазные капли. Как мне не хватает моей химической лаборатории!

– Уж случаем не яд ли?! – испугалась госпожа Евгеньева и отодвинула от себя подальше бокал с минеральной водой.

Купец Грыжедов, уже было собиравшийся запить сельтерской водой проглоченный ломоть осетрины, тоже поставил на место свой бокал. У остальных вид был такой, точно увидели проползающую змею.

Профессор не стал никого успокаивать.

– Не знаю, не знаю... – проговорил он. – Была б лаборатория – тогда бы... В здешних условиях не могу даже сделать пробы на заурядный арсеникум?

– На что-с? – насторожился Грыжедов.

– На арсеникум, в быту называемый мышьяком.

– Дуня! – прервала его рассуждения Амалия Фридриховна. – Ты чем мышей травишь? Этим самым... арсеникумом?

– Мне такое и повторить-то.. Не-е, я их – порошком. Я его в аптеке в прошлом году покупала. Да уж давно и не травила – с первого же разу мыши передохли все...

Тем временем профессор, чиркнув спичкой, стал нагревать флакон.

– Нет, во всяком случае, не арсеникум, – наконец заключил он.

Более, однако, никто из присутствующих не прикоснулся ни к еде, ни к питью.

– Так ты говоришь, инженер Шумский никак не отозвался на стук? – настороженно спросила княгиня горничную.

Та лишь покачала головой.

На какое-то время над столом повисла напряженная тишина.

– Иди постучи погромче, – приказала Амалия Фридриховна. – А если не отзовется – что ж, тогда будем ломать дверь.

И в этот самый момент...

– А вот и я! – послышался из темной прихожей разбитной голос, как у циркового гаера. – Прошу вели... вилле... великодушно простить за опоздание...

С этими словами в гостиную вступил никто иной, как господин Шумский. И хотя он едва передвигал ноги, но был вполне себе жив и даже здоров, если не считать того, что был он, совершенно очевидно, пьян, причем пьян что называется до чертиков.

– Дает инженер! В стельку наклюкался! – резюмировала его появление Ми

– Мне пок-казалось, вы тут что-то хотели л-ломать? – обрушившись в кресло, спросил Шумский. – Это вполне даже можно! Только чур, я командую, п-поскольку я – инженер! Итак, что л-ломать будем, господа? Л-ломать – дело хорошее. Ломать – не строить!

Ему долго объясняли, что ничего, слава Богу, ломать уже не надобно, а он все хорохорился и рвался в бой, с трудом удалось его уговорить и усадить в кресло. Но вообще-то все искренне радовались его появлению, ибо это и впрямь было первое радостное событие за все утро.

— — —

.....<...> мы же с профессором Финикуиди тем временем играли в шахматы. Семипалатников, Грыжеедов, Кокандов и Львовский, стоя по сторонам, наблюдали за нашей игрой. Инженер Шумский похрапывал, лежа там же, в гостиной, на кушетке.

Вообще-то я играю весьма недурственно, однако тут мысли мои витали где-то на отдалении, я допускал одну промашку за другой, и наконец профессор, объявив мне шах, сказал:

– М-да, в такой позиции господин Ласкер на вашем месте, пожалуй, уже сдался бы.

– Да, да, сдаюсь, – поспешил согласиться я.

– Еще одну партию?

– Как-нибудь в другой раз, нынче я, право, как-то не в форме.

– Понимаю, – кивнул профессор. – Я, знаете ли, тоже чувствую себя не в своей тарелке после случившегося, все думаю...

– О призраке этом?.. Как бишь его, черт?!..

– Вот уж в мыслях не было держать в голове! Призраки, как известно, – объекты, в природе не существующие, посему и раздумывать о них – пустое... На душе, однако, тревожно, правда, по совсем иной причине.

– По какой же? – любопытствовал Кокандов.

– Да тревожно и зыбко нынче все на планиде нашей, крутящейся в мироздании. При нашей нынешней оторванности от мира, остается лишь гадать, что *там*... – он махнул рукой на пейзаж за окном, – что *там* сейчас происходит. Непокойно, ох, непокойно вступаем мы в завершение Эры Рыб!..

Грыжеедов прокашлялся, затем сказал:

– Осмелюсь вставить... Вы, конечно, человек университетский, не мне чета, касательно ваших «эр» ничего не смыслю, могу опираться лишь на здоровое чувство. Так вот, оно мне говорит: ничего *там* плохого не происходит, и движемся мы исключительно к лучшему.

– О да! Все к лучшему в этом лучшем из миров! – иронически отозвался профессор. – Вы мне напоминаете господина Панглоса¹³.

– Виноват, с этим господином не знаком-с, но если бы он при мне произнес эти слова, то я не стал бы ему возражать. Видит Господь – хоть мы и наша матушка Россия в достатке натерпелись уже всяческого, но теперь притихло все на долгое-долгое время, и в обозримом будущем не ждут нас ни войны, ни эти, ну их к лешему, революции.

– Да, бытует и подобное мнение, – кивнул Финикуиди. – Профессор Менделеев из Петербурга... мы с ним как раз на эту тему беседовали незадолго до его смерти... так вот, он даже, знаете ли, прогноз составил на случай столь благоприятного развития. По его подсчетам, в этом случае к началу Эры Водолея, лет, стало быть, менее, чем через сто, население нашего отечества превысит миллиард (каково?!), а по промышленному производству мы превзойдем

¹³ Персонаж философской повести Вольтера «Кандид».

не то что какие-то там Североамериканские штаты, но даже Францию, и даже самую Великобританию.

Грыжедов воскликнул:

– А что! И переплюнем, непременно переплюнем! Верю я в нашу Россию-матушку! Да Россия, если ей только не мешать...

Господин Семипалатников улыбнулся своей надменной улыбкой – трудно определить, то ли в знак согласия с этими словами, то ли внутренне отторгая их, а Финикуиди сказал:

– Вот и покойный профессор Менделеев тоже верил, да и подсчеты его были, в сущности, верны... Коли бы только не одно маленькое «если»: если до тех пор не случится ни войн, ни революций, то есть если вас, Прохор Васильевич, не обманывает ваш достохвальный оптимизм. Кстати, на чем сей оптимизм у вас зиждется, любопытно было бы знать.

– Вы о чем *конкреКтно*, о войнах или же о революциях?

– «КонкреКтно» – о революциях, – по-прежнему глядя на него с насмешкой, пояснил Семипалатников.

– Да очень просто! Натерпелись уже! Будет! «Довольно!» – сказала Россия! Только-только начинаем жить по-правильному, это после реформы покойного Петра Аркадьевича¹⁴ даже в глухих деревнях понимают: возьмись за дело – и без всяких революций будет дадено тебе всё. Хоть бы взять к примеру (уж простите великодушно) вашего покорного слугу... Я ведь в девятьсот седьмом году с десятка пирожков в день начинал, продавал их по деньге¹⁵ за штуку, за вычетом расходов, две с половиной копейки был весь мой навар в день. Только я эти копеечки не пропивал, не проедал, а пускал дальше в дело, – и что? Уже через месяц продавал по сотне в день. А через год про пирожки «От Жерома» знала уж вся Губерния!

– От... простите... кого?... – не понял Львовский.

– Ну это я так назвал. Сами понимаете: для благозвучности.

Конечно, Львовский, по природной глупости, не смог промолчать.

– Да, – сказал он, – пирожки «От Грыжедова» – это бы оно как-то... – И, поймав на себе укоризненные взгляды, стушевался: – Нет, это я так... Ровно ничего не имея в виду...

– Ничего-с. Мне и самому порой бывает забавно... Да, так вót: третью гильдию себе приобрел; а сейчас, когда по шести губерниям мои пирожки пошли, – уже вторую. Теперь думаю первую гильдию приобрести и тогда открыть производство и в Берлине, и в Праге, и в Вене¹⁶, уже имеются на сей счет кое-какие договоренности... То есть это я к тому, что каждый так может; так к чему же, я вас спрашиваю, какие-то там революции? Господа революционисты, я слышал, о счастье народном пекутся; ну так вот он, счастье, бери его голыми руками!

– Ну, если счастье одними пирожками мерить... – начал было Коканов, но профессор перебил его:

– Ладно, с революциями, положим, разобрались; ну а войн почему не будет, тоже любопытно было бы знать.

– Да потому что невозможны они нынче, войны!

– Вот как? Всегда были возможны, а теперь видите ли, – невозможны! Извольте-ка пояснить.

– Пожалуйте... Я, правда, человек не военный, но с господами офицерами вожу дружбу, и вот что мне сказал один подполковник, командующий батальоном. Теперь, с появлением пулемета, войны решительно лишены всяческого разумного смысла. Посудите сами: на каждый батальон полагается два пулемета, стало быть, по восемь пулеметов на полк, на дивизию –

¹⁴ Столыпина.

¹⁵ ½ копейки.

¹⁶ Купцам 3-й гильдии разрешалась торговля лишь внутри одной губернии, 2-й – по всей России, и лишь 1-й – заниматься и международной торговлей.

еще в три-четыре раза больше. А даже один! – слышите, один! – пулемет способен из окопа за минуту посесть сотню наступающих! А сколько минут требуется для наступления?.. То-то! Перемножим все на все, и выйдет, что через двадцать минут целой дивизии как не было! И какие, скажите мне, могут быть войны при таком подсчете?

Тут вмешался генерал Белозерцев, стоявший в этот миг позади меня.

– Умен ваш подполковник, – сказал он. – Да-с, умен, с этим не поспоришь! И считает он, видно, хорошо столбиком. Только вот что я, старый вояка, вам, господа, скажу: войны – они не от смысла происходят и не от столбиков, и вообще не от разума. А происходят они от дурости людской и от амбиций немереных. Ну а дурость – ее никогда и никакими пулеметами не истребишь и никакими столбиками не посчитаешь. На том наше военное сословие и держится, иначе давно бы род людской разогнал нас, дармоедов; а вот же, каналы, все еще таки существуем!.. Что же касательно пулемета... Да, видел я его в деле, машина, подтверждаю, основательная. И в подсчетах ваш подполковник, должно, не ошибся, только вот что сие означает? Лишь одно: что поляжет солдатшек бравых ребятшек великое множество, ничего более.

Я спросил:

– Так что же, по-вашему мнению, война в близком времени все-таки будет?

– А это уж – все равно что сегодня, во вторник, задаваться вопросом, будет ли когда-либо пятница. Нет, не завтра, – но всенепременно настанет! То же и с войной. Ибо она – в дурьей человеческой природе, а как известно, против природы, пардон, не попрешь. Ну а там, где война, – там и голод, и чума, и революция, все, то есть, ангелы Апокалипсиса. Уж поверьте, не запозднятся!.. А вы говорите – пулемет...

– Пулемет-хреномет!.. Революция-хренолюция!.. – подал голос с кушетки на миг проснувшийся Шумский. – Лучше скажите, никто ли не желает доброго французского коньячка? – Он извлек из-за пазухи флягу, однако тут же на лице его изобразилось разочарование. – Увы, пусто, господа, так что – *my apologies*¹⁷...

Все, кроме генерала, заулыбались, тот же сказал с печалью в голосе:

– Спите, спите, мон шер, завтра всего лишь среда, до пятницы еще далеко, – и после этих его слов зависла тревожная тишина.

Но кто бы из присутствующих знал, что даже его превосходительство был настроен чересчур оптимистично, что его фигуральная пятница уже наступила, ибо примерно в эту самую минуту уже прогремел тот самый роковой выстрел в боснийском Сараеве, и все наши разговоры показались бы нелепыми для любого, кто не был, подобно нам, отрезан от остального мира, уже начинавшего свое падение в бездну...

Должно быть, глупость – все же лучшее лекарство от тяжких дум. Господин Львовский первым вывел все на веселую ноту.

– Посмотрите, посмотрите-ка на господина Васюкова! – шепнул он. – Как он гоголем выхаживает! Прямо Наполеон перед Ватерлоо!

Тот, явно ничего не замечая вокруг, действительно чем-то похожий на Наполеона, расхаживал взад и вперед в другом конце гостиной и при этом явно вел какой-то неслышный разговор с самим собой, ибо он то удовлетворенно кивал самому себе головой, то вдруг приостанавливался, мучительно раздумывая над каким-то мучительным вопросом.

Львовский все так же шепотом пояснил:

– Это он к нынешнему пети-жё готовится. Интересно, интересно, что нас сегодня вечером ждет!..

Дамы тоже уже собрались в гостиной и, поглядывая на шагистику Васюкова, тоже с очевидным нетерпением ожидали начала игры.

¹⁷ Мои извинения (*англ.*)

Между тем, гномы уже начинали подбираться к моему нутру, и мне необходимо было очередной таблеткой подавить их кровожадность.

Впрочем, тут мне в голову пришла одна мысль. Все, кроме прислуги, собрались в зале, и этим грех было не воспользоваться.

Что ж, сударь Беяз Шаула, отмычками орудовать, ей-ей, не вы один умеете! А уж как виртуозно это умел Савелий Игнатьевич Лежебоко! С этой мыслью я незаметно покинул

.....

.....

.....

Две следующие затем страницы рукописи были почему-то залиты водой, строки совершенно расплылись, лишь в некоторых местах процарапывались обрывки фраз, как то:

- ...от напряжения даже забыв о своих гномах...
- ...Господи, а это еще что?!..
- ...сколько ж всяких снадобий!
- ...открывая крышечку...
- ...Боже, какая красота!..
- ...Да неужто же?!.. Ах, вот оно, оказывается как!.. Вот уж не ожидал!..
- ...Нет, нужно сделать кое-что еще...
- ...И в вашем нумере тоже поглядим...
- ...любопытно бы узнать...
- ...Впрочем, при нынешнем развитии методов... возможно и это...
- ...Да, да, помнится, в подобных случаях нужен *гуммиарабик*...
- ...А это что за бумаженция?.. Ну-ка, мы ее... Не забыть потом положить на место...
- ...и с чувством исполненного долга...

[Явно здесь Петр Аристархович сделал для себя некие немаловажные открытия, но неумолимое время и печка, возле которой хранились эти листы, свершили свое дело

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.